

Андрей Устинов
Center for Open Studies (Сан Франциско)
abooks@gmail.com

Andrei Ustinov
Center for Open Studies (San Francisco)
abooks@gmail.com

«КРУПНОЕ ЯВЛЕНИЕ»:
КНИГА КОНСТАНТИНА ВАГИНОВА 1926 ГОДА
НА ФОНЕ ВРЕМЕНИ
“BIG PHENOMENON”: KONSTANTIN VAGINOV’S BOOK
OF 1926 IN THE CONTEXT OF TIMES

Работа посвящена истории выхода в 1926 году поэтической книги Константина Вагинова и реакции на нее в ленинградской литературной среде. Автор эссе предполагает, что этот сборник послужил основным стимулом для приглашения поэта и его последующего участия в ОБЭРИУ.

Ключевые слова: Константин Вагинов, Ленинградский союз поэтов, Ида Наппельбаум, Даниил Хармс, Иннокентий Оксенев, литературный быт, ОБЭРИУ.

The essay presents the history of the publication of Konstantin Vaginov’s book of poetry in 1926 and its reception in the Leningrad literary community. According to the author of the essay, this collection served as the main incentive for the poet’s invitation and his subsequent participation in OBERIU.

Keywords: Konstantin Vaginov, Leningrad Union of Poets, Ida Nappelbaum, Daniil Kharms, Innokentii Oksenov, literary environment, OBERIU.

Татьяне Львовне Никольской, с любовью

И смолкло все. Как лепка рук умелых:
Тристан в расщелине лежит,
Отшельник дремлет в келье книжной,
Поэт кричит окаменев.

Константин Вагинов

В своей мемуарной заметке «Памяти К. Вагинова» Георгий Адамович, встречавший ушедшего поэта в Петрограде в начале 1920-х годов, называл

его стихи «музыкальными». «За эту музыку — за грустную и нежную мелодию его стихов — Вагинова все любили. Он не стал, конечно, большим поэтом. Но в его сборниках — больше обещаний, нежели во многих книгах известных мастеров. В советской литературе он был одинок. <...> Несколько друзей написали о нем сочувственные строки только теперь, когда его уже нет. Поступок смелый и благородный, по теперешним временам: не всякий рискнет навлечь на себя гнев “власть имущих” ради мертвеца. Вагинов долго болел, но до последних дней не переставал писать стихи, такие же непонятно-певучие, как и те, что писал еще мальчиком» (Адамович 1934: 3)¹.

Кроме очевидного сборника Вагинова *Опыты соединения слов посредством ритма*, выпущенного «Издательством писателей в Ленинграде» в 1931 году в оформлении Марка Кирнарского, Адамович имел в виду и его предыдущую поэтическую книгу, изданную без названия, с обозначением на обложке и титуле:

В «Канве биографии и творчества» Вагинова Татьяна Никольская характеризовала эту книгу следующим образом:

В сборник (без названия) 1926 года вошли стихи, написанные поэтом в 1923–1925 годах. Вагинов остается в кругу своих излюбленных тем. По-прежнему античность, любовно и трагически воспринятая, переплетается с сегодняшним днем, многоступенчатые ассоциативные связи заменяют логические. Но круг античных образов изменился. Аполлона вытесняет сквозной образ Филострата, прекрасного юноши, лишь отдаленно соотносенного с авторами «Картин» и «Жизнеописания Аполлония Тианского». Вагиновский Филострат — своеобразная ипостась Орфея и *alter ego* лирического героя, носитель мифопоэтического сознания, одновременно находящийся

¹ Дополню библиографию Вагинова: после появления в парижских *Последних Новостях* через месяц некролог Адамовича был перепечатан в нью-йоркской газете *Новое Русское Слово* (1934. № 7832, 8 июля, с. 8).

в прошлом и в настоящем. Стих поэта претерпел значительные изменения. Отказываясь от броских «имажинистских» метафор, Вагинов незаметными сдвигами — сознательно неточной, но неизощренной рифмой, соединением несоединимых понятий (Г. Адамович сопоставлял его стихи с сюрреализмом П. Элюара), принадлежащих, однако, к одному лексическому пласту, используя архаизмы и образованные на их основе неологизмы, — создает новую для себя поэтическую систему. Если ранние стихи Вагинова Адамович справедливо сравнивал с картинами Чурлениса, а Брюсов писал, что Вагинов берет приемы образа у футуристов, то к стихам второй книги эти сравнения вряд ли приложимы. Обращение к античности, метод «клавишных» ассоциаций сближают Вагинова с Мандельштамом, но преувеличивать эту близость не следует². Поэты идут во многом близкими, но разными путями, что не исключает отдельных совпадений или заимствований.

Часть критиков видела в поэзии Вагинова этих лет воскрешение символизма, «как-то по-новому проведенного через XVIII век и богато обогащенного им»³; ср. характеристику Вагинова как «пережившего становление символиста»⁴. Однако и эти утверждения справедливы лишь отчасти. <...>

Со второй половины 1926 г. Вагинов начинает работать над прозой, занимается переводами, пишет внутренние рецензии на французские романы. В 1927 г. в журнале «Звезда» печатается «Козлиная песнь», вышедшая в 1928 году отдельным изданием (Никольская 1998: 73–74).

Сборник стихотворений Вагинова по-настоящему ждали. Так, 28 февраля 1926 года Павел Лукницкий — будущий прототип Миши Котикова в романе «Козлиная песнь» — написал Льву Горнунгу в Москву, что в Ленинграде «выходит книжка К. Вагинова» (Гумилев в переписке 1994: 536). Раннее творчество поэта не вызвало симпатии у Горнунга — в 1923 году он дважды писал о Вагинове в рецензиях на издания с его участием, напечатанных в № 3 московского машинописного журнала *Гермес*⁵. Высказывания Горнунга в достаточной мере характеризуют общее отношение всего круга *Гермеса* к раннему творчеству поэта.

«Начинаясь поэмой К. Вагинова, — писал он в рецензии на сборник/журнал *Город*, — бестолковой, беспорядочной и потому характерной для автора, иначе не пишущего, сборник переходит затем к стихам Ф. Наппельбаум, которых нельзя не признать безукоризненными...» (Горнунг 1923а: 420). В рецензии на альманах *Звучащая Раковина* Горнунг несколько развил свои утверждения: «Трудно сказать что-либо о К. Вагинове. Очень сумбурный поэт, совершенно беспринципный в построении образов, подчас безобразных. Строка «И залетевшую со Стрелки стрекозу» выпирает своей нарочитой аллитерацией. Бессмысленны повторенья: туман, туман...,

² Ср. примечание Т. Никольской относительно статьи Льва Лунца «Новые поэты», написанной для невышедшей газеты *Ирида* (1922): «Л. Лунц отмечал близость к Мандельштаму и в ранней поэзии Вагинова: “Вагинов идет за Мандельштамом, он тоже отстает логическое движение стиха, заменяя его фонетическим...”» (Никольская 1988: 81).

³ См. ниже цитату из рецензии Ильи Груздева.

⁴ См. ниже в разговоре об Иннокентии Оксенове.

⁵ Я признателен Г. Левинтону за копии материалов из *Гермеса*.

табун, табун... Кузмин в “Абраксасе” возлагает на него большие надежды, но мы от подобных надежд уклонимся⁶ (Горнунг 1923b: 439)⁷.

В ответном письме к Лукницкому 2 марта 1926 года Горнунг признавался, что плохо знает поэта, а его прежние стихи вызвали у него отторжение:

Вы пишете о Вагинове. Знаете, я его не знаю совсем. То есть, того, что я читал, было, наверное, мало, чтобы понять его. Поэтому первое впечатление было, скорей, не положительное. Но несомненно чувствуется и большой талант и большая культура, стоящая пока еще сзади, не нашедшая соответствующего воплощения. Поэтому многие образы кажутся философски даже, а не только тематически, неоправданными. Помимо же этого, хочется просто верить Кузмину, хотя бы на слово⁸. Но я не знаю последних стихов, входящих в новую книгу, совершенно. Надеюсь, что и Вагинов не сегодня, так завтра

⁶ Имеется в виду сентенция Михаила Кузмина в его фельетоне «Письмо в Пекин», где он сперва написал о близком ему Юрии Юркуне и после о Вагинове:

Вихревой блеск описаний, восторженная нежность к жизни, природе и людям, патетизм лирических рассуждений, эмоциональность фабулы и способность показывать каждый предмет, каждое слово со всех сторон, в трех измерениях — еще не оцененные достаточно свойства прозы Юрия Юркуна, может быть, наиболее своеобразной из современной.

Тут же я обращаю ваше внимание на стихи и прозу Константина Вагинова, зная вашу привычку следить за всем значительным с самого начала (Кузмин 1922: 60).

В этом, втором по счету, выпуске *Абраксаса* были напечатаны «малая проза» Вагинова «Звезда Вифлеема» (стр. 10–16), а также стихотворения «Искусство» и «Шумит Родос, не спит Александрия...» (стр. 24). Последнее из них поэт включил в книгу 1926 г. (стр. 17–18). Согласно воспоминаниям Ольги Гильдебрандт-Арбениной, Ю. Юркун «стихи Вагинова любил больше, чем Мандельштама» (Кузмин 2007: 158).

⁷ Ср. общее замечание Максима Кенигсберга об участниках сборников *Абраксас*, в том числе о Вагинове, в его рецензии в том же выпуске *Гермеса* (стр. 417–420; подпись «Шнюспельпольд»): «Несколько прекрасных вещей — стихи Ахматовой, проза Кузмина, а всё остальное — какая-то лаборатория, гомункулы, вышедшие из реторт, какая-то хлебниковщина на новый манер, футуризм на изнанку, и вместе с тем теория или критика, пусть в виде информации, в которой рекомендуются свои же, особенно К. Вагинов, провозглашаемый чуть ли не великим...» (Левинтон, Устинов 2001: 331). Речь идет о высказываниях Ореста Тизенгаузена в первом выпуске *Абраксаса*, который адресовал стихи Вагинова как «почти прекрасные» и далее написал: «Константин Вагинов совсем определившийся и совершенно законченный мастер, может быть, один из крупнейших поэтов наших дней. Вагинов умеет находить и нашел настоящие слова <...>. Большая работа поэта позволяет и прощает ему многое-многое <...>. Константин Вагинов единственный поэт, знающий метр как “кровь стиха”, рифму как “дыхание его”, содержание как “биение трепетного сердца”. Он единственный умеет любить, трогать своими трупными (не Бодлэра) руками и уложить в коробки невыразимой прелести все слова, зная их тайный смысл, чувствуя их невидимую жизнь» (Тизенгаузен 1922: 60–61).

⁸ Судя по рецензии Горнунга на *Звучащую Раковину*, здесь он имеет в виду отзыв Кузмина о Вагинове во втором *Абраксасе*. Что, однако, не исключает его возможного знакомства с оценкой, данной Кузминым в сентябре 1922 г. в его статье «Парнасские заросли»: «...настоящий поэт зреет в К. Вагинове», — и далее в *Post Scriptum*’е отметил «на глазах развивающееся дарование К. Вагинова» (Кузмин 1923: 121–122). Ср.: (Гумилев в переписке 1994: 536). Замечу также, что в вычеркнутом фрагменте первоначальной версии «Парнасских зарослей» Кузмин посоветовал, что Вагинов выпустил *Путешествие в хаос* преждевременно: «И кажется мне, что [жизнь проталкивается в чисто девических песнях Раисы Блох, в кое-каких строчках Оношкович-Яцыны, в стихах Вагинова, поторопившегося

придет к некоторому логическому опрошению, этому есть много примеров (Гумилев в переписке 1994: 535).

История книги Вагинова восстанавливается по свидетельствам современников. Как заметила А. Пахомова, «книгу эту не вызывались издавать ни Союз поэтов, ни Союз писателей: для нее собирали рубли “по подписке” на одном из четвергов поэтессы Марии Шкапской» (Пахомова 2016: 313). Описание этого четверга мы находим в дневниковых записях Лукницкого:

15.01.1925

«Четверг» у Шкапской. В «программе» драма И. Оксенова. Здесь: К. Вагинов, Н. Браун, Н. Баршев, С. Спасский, И. Наппельбаум, С. Полоцкий, В. Ричиотти, И. Садофьев, Н. Вольпин, А. И. Ходасевич, И. А. Бунина, Марина Чуковская, С. Г. Каплун и др. Есть незнакомые. Н. Тихонов и Н. Павлович — отсутствуют. Рассматривание альбома, игра в «дурочки», болтовня и прочие умные занятия. Скука.

К. Вагинову собирали по подписке рубли на издание его стихов. Он подарил мне «Путешествие в хаос». <...> И. Наппельбаум рассказывала злобные сплетни про АА<хматову>. Рассказывала милым и простодушным голосом. <...>

И. Наппельбаум об АА сказала мне следующую фразу: «Не знаю, как в общении с мужчинами, а в общении с женщинами — она тяжелый человек», — и говорила о тщеславии АА (Лукницкий 1991: 31)⁹.

Лукницкий был особенно близок Вагинову в эти годы и в своих дневниковых записях оставил свидетельства о встречах с поэтом:

17.04.1925. Пятница

Вечером у М. Фромана, на дне его рождения. У него Костя Вагинов с Шурой Фёдоровой, сёстры Наппельбаум (Ида и Фрида), Кулаковы, Цецилия Лазаревна и художник — сосед.

Пили чай, была бутылка розового муската и бутылка хересу. За долгим чаем — разговоры о музыке, о Клемперере и т. д. После чая — в гостиной — Цецилия играла на пианино. Костя Вагинов в разговоре о музыке участия не принимал. МАФ<роман> читал сказку о зайке. Я читал неизвестный отрывок из поэмы «2 сна», говорили о Гумилёве в связи с этим. Слушал стихи Фриды. Разошлись во 2 часу, Костя остался ночевать у МАФ'а, я провожал Цецилию Лазаревну (Лукницкий 1991: 132).

выпустить книжку, в холодноватой пышности Б. Папаригопуло и в ремизовской сиротке Анатолии Фролове]...» (Кузмин 2000: 222).

⁹ Ср. запись о предыдущем журфиксе с участием Вагинова:

«Четверг» у М. М. Шкапской. Шкапская с самодовольством демонстрирует всем свои литературный «сокровища» — толстую тетрадь с автографами, портретами, анекдотами и разными наклейками. Собрались у Шкапской — К. Вагинов, А. Шварц, И. Оксенов, П. Медведев, Н. Павлович, М. Фроман, Н. Дмитриев.

В 11 часов вечера пришел Н. Тихонов — сидя на столе, прочел новую свою поэму — в ней Кавказ, медвежонок, тигр и пр<очее> — 680 строк. Много хороших мест — большая ясность и точность выражения. Очень много экзотики. Фроман говорит: «Тихонов — пастух, слова гоняет стадами. Ходасевич — напротив — работает над отдельными словами, а Ахматова — над строчкой»... Как глупо... (Лукницкий 1991: 9–10).

И позже:

27.11.1925. Пятница

...Сани подлетели (лошадь попалась хорошая) к Ш<ереметевскому> д<ому>. Я поцеловал руку АА<хматовой>, и она вошла в подъезд. Я пошел к Литейному, через двор, чтоб повстречаться с Пуниным. Встретился. Поговорили.

Попрощался с ним и пошел в Союз поэтов. Пробыл там час и пришел домой. <...>

В Союзе была смертная скука, и я очень недолго был там. В Союзе были — бывш<ие> члены «Мастерской Слова», кроме Н. Брауна; МАФ<роман>, <ленинградские> имажинисты, Костя Вагинов и другие. Публики — несметное количество, серой и скучной.

Встретил там Ел<сн>у Данько, пришедшую послушать стихи и скучавшую.

Домой шел с Костей Вагиновым. Говорили о литерат<урных> влияниях на Пушкина, выяснилось, что биографии Анненкова он не знает... Он обнаружил, что «Море» имеет отношение к Байрону. Я сказал, что это уже давно известно. Но разговор был приятный и теплый. Звал его к себе, и он обещал зайти на днях... (Лукницкий 1991: 282).

И еще:

10.05.1926

Вечер у Спасских.

Вечер оказался лучше, чем я думал, потому что хорошо играла на рояле Юдина, и музыка, которой я давно не слышал, дала мне несколько минут гармонического существования. А в первом отделении читали прозу и стихи — <К.> Федин, М. Кузмин, Б. Лившиц, К. Вагинов, С. Спасский и Н. Баршев (Лукницкий 1997: 149–150).

Впрочем, вскоре происходит раскол этих отношений:

15.10.1927

Показывала в Мраморном дворце <Ахматова> Шилейко «Звезду» №8. О стихотворении Вагинова он отозвался так: «Чувствуется урод». Это совпало с высказанным раньше мною мнением (с ним вполне согласилась АА<хматова>), что стихотворение это (да и большинство других вагиновских) вызывает неприятное чувство и неодолимую антипатию.

Правда, раз это так, это значит, что индивидуальность в стихотворениях Вагинова есть... Но на таких отрицательных моментах строили свою индивидуальность многие поэты, и всё же оставались очень незначительными величинами.

АА привела в пример Потемкина:

«Мне совсем не нравится

На дагерротипе:

Я была красавица,

А теперь вся в сыпи...» (Лукницкий 1997: 295).

Этим же днем помечена другая запись Лукницкого из той категории, которую Хармс определил бы как «ничего не понимают» (Хармс 2002: 129):

«Говорили о Пунине, к которому сегодня приходил Хармс — с предложением стать во главе группы футуристов для издания футуристического журнала. Пунин согласился, созвонившись с Лебедевым. АА<хматова> правильно считает, что если литературная “молодежь” объединяется со “стариками” — это только доказательство слабости молодежи» (Лукницкий 1997: 295).

Дальнейшие обстоятельства издания книги Вагинова выясняются из письма полученного летом 1926 года Ниной Берберовой от подруги своей молодости Иды Наппельбаум, о которой она рассказывала в своих мемуарных заметках «Из петербургских воспоминаний. Три Дружбы»: «Ей было тогда двадцать лет. Я не могу назвать ее полным именем. Она, может быть еще жива. Наша дружба началась как-то сразу. <...> С И. мы переписывались до 1926 года. В начале 30-ых годов муж ее был арестован и умер в ссылке (новые эмигранты-литераторы Ленинграда знали его). Через несколько лет она вышла замуж вторично. Второй ее муж также погиб. Так прошла ее жизнь» (Берберова 1953: 164).

Дальше Берберова цитировала письмо Наппельбаум, долетевшее к ней из Ленинграда:

Всеобщей радостью была книга Константина Вагинова, члена «Звучащей Раковины», вышедшая в свет в начале 1926 года, — но с каким трудом!

«Костя Вагинов много пишет, много работает, — писала в своем последнем письме И., — много учится и читает, главным образом старую французскую литературу. Книжка его вызвала много толков, она взбудоражила всю литературную публику. Только теперь они заметили, что это «крупное явление» в русской литературной жизни, и заговорили о том, что надо что-то делать, чтобы ее выделить, чтобы побольше внимания вообще оказать вагиновскому творчеству. Чтобы издать эту книжку, материально сложились почти все литераторы Ленинграда и теперь гордятся ею. В Союзе Писателей был устроен вечер с приветственными речами, с докладом и т. п. И в частном доме читался тоже доклад о книжке. Всё это, конечно, чушь, дело не в этом, и ему этого не нужно, интересно это поскольку изобличает возможность окружающих реагировать на художественные явления, каждого — по силе возможности его ума».

Печататься было негде, «созвучным» быть было трудно (Берберова 1953: 157).

Через пятнадцать лет после публикации воспоминаний «Три дружбы» Берберова решила написать Наппельбаум и неожиданно получила от нее весточку — открытку с известной графикой Стасиса Красаускаса, посланную наудачу к новому 1969-му году:

Дорогая, прекрасная моя Нина!

В качестве первой весточки за столько десятилетий — шлю тебе поздравление с Новогодним праздником. Знай, что ты для меня всегда юная, горячая, живая... Такой ты для меня осталась навсегда.

Благодарю, что ты искала и отыскала меня.

О себе напишу в следующий раз подробнее. Боюсь, что это письмо задержится в пути и опоздает к праздникам. Но всё равно сама возможность написать тебе — для меня праздник.

Твоя Ида. 28/ХІІ — 68
Благодарю за письмо!¹⁰.

В августе 1981 года Наппельбаум дополнила свое «последнее письмо» того времени к Берберовой мемуарным рассказом:

Даже удивительно, что читающая публика не испугалась его непонятности, его фантастики, его многоплановости. И не только читатели, но и издатели, редакции. Дух свободного творчества всех увлекал в те времена.

Когда готовилась его книжка «Стихотворения» и требовались присмотр и забота самого автора, что Вагинову было недоступно, поэт Михаил Фроман пришел на помощь растерявшемуся собрату: все переговоры, хлопоты с издательством и типографией, консультации о бумаге, шрифте, обложке и с художником — всё взял на себя. И когда книжка вышла в свет, автор надписал Фроману: «Дорогой Михаил Александрович! Эта книжка до некоторой степени Ваше дитя. Детский дом <типография им. Ивана Федорова> одел, не без Ваших настойчивых указаний, ее в скромное платье. Вам даже снились сны по поводу ее первого выхода из Детдома.

Примите ее от меня, как знак любви и дружбы. В<агинов>. 8 / III — 26 г.»¹¹.

Три сборника интереснейших стихов успел выпустить Вагинов: «Путешествие в хаос», «<Стихотворения>», «Опыты соединения слов посредством ритма» (Наппельбаум 1988: 92).

13 марта 1926 года Лукницкий подарил экземпляр книги Анне Ахматовой, отметив это событие в дневниковой записи:

К. Вагинов.

Я подарил АА книгу К. Вагинова. Ей понравился внешний вид книжки. Заметила, что он напоминает журнал «Старые годы». Взяла читать — унесла в Мраморный дворец (Лукницкий 1997: 63), —

¹⁰ The Beinecke Rare Book and Manuscript Library (Yale University, New Haven, CT). Nina Berberova Papers. GEN MSS 182. Box 15, folder 411. Судя по штемпелям письмо было отправлено заказной авиапочтой 30 декабря и получено в Принстоне, согласно кафедральному штампу 8 января 1969 года. Следующее письмо И. Наппельбаум достигло адресата только в сентябре 1978 г. и только потому, что было отправлено с оказией:

Дорогая, дорогая Нина!
Всегда, всегда ты со мной через всё многолетие нашей разлуки.
Совсем различный опыт жизни нас не оторвал друг от друга, а сближил так, как это может сделать власть мечты.
Твое единственное письмо — моя реликвия. Как я хочу твоих слов...
У меня семья — дочь (инженер), зять, любимый внук (15 лет), друзья, обожаемый город. Но тебя нет!

Обнимаю, обнимаю,
Твоя Ида.

Ленинград
1978 г.

¹¹ Инскрипт был опубликован Л. Чертковым (Вагинов 1982: 222). Другой написанный экземпляр книги сохранился в собрании М. С. Лесмана: «Елизавете Григорьевне Полонской со всеми дружескими чувствами, которые существуют на свете. Вагинов. 17.III.26.» (Книги и рукописи 1989: 56).

а месяц спустя переслал другой экземпляр книги Горнунгу (Горнунг 2019: 224), который, в свою очередь, записал в дневнике:

13.4.1926

У Шервинского. «Узел». Дал ему свои стихи. Читал<ись> Сельвинский, Кочетков и петербургские поэты Вагинов, Кузмин. <...>

14.4.1926

Получил от Лукницкого книжечку Вагинова и портрет Гумилева. Ужасно рад (Горнунг 2019: 225).

Что касается Берберовой, то зимой того же 1926 года — совсем незадолго до выхода книги, — она могла ознакомиться с литературным портретом Вагинова, созданным для парижского *Звена* (*Chainon*) Георгием Адамовичем:

Не думаю, чтобы Вагинов когда-нибудь стал знаменитым. У него нет ни воли, ни силы, ни настойчивости. Однако его стихи, своеобразные в высшей степени, должны всё-таки найти в мире какой-то ответ или отзвук. <...>

В стихах Вагинова нет ничего похожего на обычную речь. Логика отсутствует совершенно. Сцепление образов и слов произвольно, а если и подчинено каким-нибудь законам, то только звуковым, — смутным и сбивчивым. Его поэтическая фраза прозаически представляет собой фразу вполне бессмысленную.

Первое стихотворение Вагинова удивляет и, пожалуй, раздражает. Прислушиваясь, начинаешь различать в этом бреде мелодию, ни на что другое не похожую. Это дребезжащая, прерывистая мелодия, слабая, но с отзвуками таинственной, «вечной» музыки, тональности Лермонтова или Жуковского, — той, которая и не снилась Тихонову и его собратьям¹².

В современной русской поэзии Вагинов одинок.

Но вот что удивительно: Вагинов, мало развитой, мало сведущий человек, перекликается с последней и далеко не незначительной французской поэтической школой, с сюрреализмом. Стихи некоторых сюрреалистов — Поля Элюара, например, — кажутся переводом Вагинова. Сюрреалисты суше Вагинова, у них нет его расплывчатости в стиле, его округленности в ритме. Но основа та же. И, вероятно, эта связь не случайна, а лишний раз доказывает, что «идеи носятся в воздухе» (Адамович 1926: 2).

По-своему замечательным было также наблюдение Ильи Груздева, в апреле 1923 года зачислившего Вагинова в разряд «поэтов-одиночек», который «очень сложно и очень выдержанно пишет» в стихотворениях, напечатанных в сборниках *Абраксас*¹³ и единственном выпуске журнала

¹² Ср. также чуть позже сделанное Адамовичем наблюдение в обзоре новых книг — в их числе «“Ларь” — сборник стихов восемнадцати поэтов»: «Конечно, все они подражают, заметнее всего подражание Анне Ахматовой и Анненскому. Резко своеобразен Вагинов, беспутный, бестолковый, сомнамбулический поэт, которому едва ли суждено оставить какой-либо след в русском искусстве, — кроме бархатных, виолончельных звуков, кроме удивительной певучести, этого “дара неба”...» (Адамович 1927: 72).

¹³ В своей рецензии на первый *Абраксас* Адриан Пиотровский отмечал «у Вагинова, совсем еще молодого, неожиданно «страшную взволнованность лирической души» (Пиотровский 1922: 7).

Город (Петроград, 1923). «В нем словно воскресает символизм, — замечает Груздев, — но как-то совсем по-новому, проведенный через XVIII век и богато отягощенный им» (Груздев 1923: 37–38)¹⁴.

Это же впечатление разделяла и Вера Лурье, которой поэт посвятил стихотворение «Упала ночь в твои ресницы / Который день мы стережем любовь...»¹⁵. Она рассказала о Вагинове в статье «Петроградское», сочи-

¹⁴ Прежде в рецензии на альманах *Звучащая Раковина* (Петербург, 1922) Груздев так написал о Вагинове:

Но один из наиболее интересных авторов — Константин Вагинов. По нескольким стихотворениям еще трудно говорить о его творчестве, можно отметить лишь некоторые элементы. У него есть подкупающая лиричность. В стихотворении «У милых ног венецианских статуй» он еще усиливает ее приемом лирического повторения (которым так хорошо пользуется, между прочим, Сергей Есенин; напр<имер,> «Трубит, трубит погибельный рог, Как же быть, как же быть теперь нам...»). <...>

В других стихотворениях Вагинова лиричность заглушается метафорической образностью, несколько отвлеченной, отдающей холодком малопонятной абстракции.

Палец мой сияет звездой Вифлеема,
В нем раскинулся сад, и ручей благовонный звенит,
И вошел Иисус, и под смоквой плакучею дремлет
И на эллинской лире унылые песни твердит.

<*Звучащая Раковина*, с. 73. — А. У.>
(Груздев 1922: 61).

В связи с последним стихотворением ср. в воспоминаниях И. Наппельбаум фрагмент о *Звучащей Раковине*:

Наш Мэтр понимал поэзию как амфору, сосуд, вмещающий хмельную влагу волшебного искусства. Для него поэзия была форма, хранилище мыслей и чувств. И вдруг в этом же здании, за тем же столом, прозвучали строки:

Палец мой сияет звездой Вифлеема,
В нем раскинулся сад и ручей благовонный звенит...

Что это? Из какого сна, из каких видений? Это был голос поэзии Вагинова. Но Мэтр не испугался, не возмутился, не отринул, он вошел в этот сад с интересом и удивлением.

И дальше у Вагинова:

— И вот Иисус, он под смоквой плакучею дремлет...

И еще дальше:

— Отошел на двенадцать неровных, негулких шагов...

Почему двенадцать, почему Иисус?

Но ведь и у Блока то же и тогда же в «Двенадцати».

О необъяснимая, неразгаданная власть поэзии!

(Наппельбаум 1988: 90).

Ср. также замечание А Дмитренко: «В рецензии на *Звучащую Раковину* И. И. Садофьев, процитировав первые четыре строки комментируемого стихотворения, заметил, что у Вагинова “такой палец, что только ахнешь”» (Садофьев И. «Мертвая и живая литература». *Литературная неделя*. Приложение к № 128 газеты *Петроградская правда*. 1922. 11 июня. № 4. С. 1)» (Вагинов 2002: 158).

¹⁵ Летом 1989 года Вера Иосифовна показывала мне книгу Анны Ахматовой *Чётки* (Петроград, 1916) с автографом этого стихотворения, вписанным Вагиновым на авантитуле, и с его дедикацией: «Дорогой Вере Лурье. В память однолетней большой дружбы на книжке Вашей любимой поэтессы, посвящаю», — подписанной «Вагинов К. 9/X 21 г. Петербург». Как отметил А. Дмитренко, «надпись на книге была сделана, по-видимому, в день отъезда Веры Лурье с семьей за границу — в Ригу, затем в Берлин» (Вагинов 2002: 151).

ненной для берлинской газеты *Дни* летом 1923 года — по времени это самые ранние из воспоминаний о нем:

С Константином Вагиновым мы познакомились осенью 1921 года, на лекциях в «Доме Искусств». Маленького роста, худой, с детской улыбкой и грустными карими глазами, он носил коричневый френч, а поверх него огромную шинель отца-полковника, в которой он жалко утопал¹⁶. <...>

Стихи Вагинов пишет почти ежедневно, обычно циклами, затем переписывает их в крохотные книжки из цветной бумаги, с пестрой обложкой. Он символист; ключ к пониманию своих стихов часто находит лишь после их написания; тогда вокруг одного основного стихотворения создает целый стихотворный цикл, причем последние стихи его циклов бывают обычно проясненнее первых; таким образом у Вагинова в творческом процессе — два периода: первый, когда он пишет непонятное, затем второй, когда от непонятого переходит к проясненным произведениям.

Как-то мы писали с Вагиновым коллективно стихотворение; у него крайне забавная манера писать: строчки он нанизывает, подбирая слова по звуковой близости, или приятности красок; произведения его насыщены крайне неожиданными образами, часто в них сквозит что-то романсовое; Вагинов почти не пользуется чистой рифмовкой, считая ее чересчур законченной и резкой, а предпочитает ассонансные окончания (Лурье 1923: 12).

В статье «Вагинов», написанной для неосуществленного литературного альманаха 1929 года, в котором предполагалось совместное участие обэриутов, формалистов и представителей современной литературы — поэтов, прозаиков, критиков, — Борис Бухштаб дал достойную оценку этой книжечки в 58 страниц, специально отметив, подобно Иде Наппельбаум в частном письме, что «этот сборник был принят, как одно из наиболее заметных появлений <19>26-го года»:

Тираж 500. Я жалею будущего историка литературы. В замкнутом кругу поэтов и близких к жизни литературы критиков этот сборник был принят, как одно из наиболее заметных появлений 26-го года. Но в журналах критики пишут не друг для друга. А для читателя, приходящего к литературе не из ее собственных недр, эта книга мертва — и до того непонятна, что ни один из критиков, представляющих массового читателя, не отозвался на нее даже обычным: «автора надо засадить в сумасшедший дом»; — сборник встречен гробовым молчанием. Будущий историк легко упустит его из виду, а если не упустит, — ему трудно будет представить эту книгу живой, почувствовать бывший в ней некогда смысл. Из сочувствия к будущему исследователю я и написал эту заметку (Бухштаб 1990: 273–274).

Увидевший свет в начале марта 1926 года, этот сборник так и не получил адекватной критической реакции, хуже того, ему категорически не повезло и впоследствии. Как книга стихотворений этот сборник не представ-

¹⁶ Ср. в записи Лукницкого 4 декабря 1925 г.: «АА<хматова> рассказывает, как (в 1922–23 гг., зимой) ее пригласили на собрание Цеха <Третьего Цеха Поэтов. — А. У.> (это было, кажется, последнее собрание). АА пришла, но там все были переполнены семейной историей (И. Одоевцева?). Был там Г. Иванов с видом мэтра, и был Костя Вагинов в какой-то непомерно длинной шинели» (Лукницкий 1991: 294).

лен ни в одном из трех изданий поэтического наследия Вагинова, где тщательно отобранные им самим для этой книги стихи приписываются к аморфным и по структуре и по названию разделам, как, например, «Стихотворения 1920–1930» (Вагинов 1982), или «Стихи 1919–1923 годов» и «Стихи 1924–1926 годов» (Вагинов 1998; Вагинов 2012), — вопреки исходным намерениям и авторской воле.

Тем самым разрушается поэтический континуум этой книги, в которой с особым пристрастием выдержана хронология публикуемых стихотворений. Под каждым из них указан месяц и год написания — от первого стихотворения «В пернатых облаках всё те же струны славы / Амуров рой...», где проставлено «Июль 1921 г.» до последнего — «Да, целый год я взвешивал, / Но не понять мне моего искусства...», сопровождаемого датой «Декабрь 1924 г.»

Совершенно необходимо восстановить состав книги Вагинова 1926 года, чтобы показать, как автор выстраивал этот сборник — от начального посвящения «А. Фёдоровой»¹⁷ до финального оглавления. Как сказано выше, стихотворения следуют безошибочно в строгом хронологическом порядке:

Константин Вагинов | Ленинград 1926

1.	«В пернатых облаках всё те же струны славы / Амуров рой...»	Июль 1921 г.
2.	«Помню последнюю ночь в доме покойного детства...»	Март 1922 г.
3–7.	Поэма квадратов: а. «Да, я поэт трагической забавы, / А всё же жизнь смертельно хороша...» б. «На скоротечный путь вступаю неизменно, / Легка нога, но упадет путь...» с. «И вижу я несбывшееся детство, / Сестры не дали мне...» д. «Да, я поэт трагической забавы, / А всё же жизнь смертельно хороша...» е. «Покатый дом и гул протяжных улиц...»	Июнь 1922 г.
8.	«Любовь страшна не смертью поцелуя, / Но скитом яблочным...»	Июнь 1922 г.
9.	«Среди ночных блистательных блужданий, / Под треск травы...»	Август 1922 г.
10.	«Шумит Родос, не спит Александрия...»	Ноябрь 1922 г.

¹⁷ О них прекрасно написала И. Наппельбаум: «Они вдвоем — Костя Вагинов и Шура Федорова — просиживали белыми ночами до утра на ступенях набережной. Оба небольшие, одного роста, одетые во что-то неприметное. <...> А они разговаривали, говорили, говорили... Он учил, рассказывал, вспоминал, фантазировал, дарил, дарил всё волнующее, будоражащее душу поэта. И она, Шура Федорова, хотя была вся другая, из другого мира, как с другой планеты, всё восприняла, впитала, осознала неожиданный ход его мыслей, его странное виденье. Она росла. И поднялась, и стала его музой, сестрой, советницей, редактором. Она стала полноправной Вагиновой» (Наппельбаум 1988: 91–92).

11. «Я полюбил широкие каменя, / Тревогу трав на пастбищах крутых...»	Январь 1923 г.
12. «В селеньях городских, где протекала юность...»	Февраль 1923 г.
13. «Крутым быком пересекая стены, / Упал на площадь виноградный стих...»	Февраль 1923 г.
14. «У трубных горл, под сенью гулкой ночи...»	Февраль 1923 г.
15. «И пестрой жизнь моя была / Под небом северным и острым...»	Февраль 1923 г.
16. «Не человек: всё отошло и ясно, / Что жизнь проста...»	Март 1923 г.
17. «“Я воплотил унывный голос ночи, / Всех сновидений юности моей”...»	Июль 1923 г.
18. «Один средь мглы, среди домов ветвистых / Волнистых струн перебираю прядь...»	Ноябрь 1923 г.
19. «Под гром войны тот гробный тать / Свершает путь поспешный...»	Ноябрь 1923 г.
20. «Вблизи от войн, в своих сквозных хорах...»	Ноябрь 1923 г.
21. «И лирник спит в проснувшемся приморье...»	Январь 1924 г.
22. «Как хорошо под кипарисами любви / На мирном острове, в дремотной тишине...»	Январь 1924 г.
23. ПСИХЕЯ («Спит брачный пир в просторном мертвом городе...»)	Январь 1924 г.
24. «О, сделай статуей звенящей / Мою оболочку...»	Апрель 1924 г.
25. «Из женовидных слов змеей струятся строки...»	Апрель 1924 г.
26. «Под лихолетьем одичалым, / Среди проулков городских...»	Апрель 1924 г.
27. «В одежде из старинных слов / На фоне мраморного хора...»	Апрель 1924 г.
28. ОТШЕЛЬНИКИ («Отшельники, тристаны и поэты...»)	Май — Сент. 1924 г.
29. «Поэзия есть дар в темнице ночи струнной, / Пылающий, нежданный и глухой...»	Сентябрь 1924 г.
30. «Одно неровное мгновенье / Под ровным оком бытия...»	Сентябрь 1924 г.
31. АНАХАРЗИС («Под чудотворным нежным звоном...»)	Октябрь 1924 г.
32. «Не тщись, художник, к совершенству / Поднять резец искривленной рукой...»	Октябрь 1924 г.
33. «О, сколько лет я превращался в эхо, / В стоящий вихрь развалин теневых...»	Декабрь 1924 г.
34. «Да, целый год я взвешивал, / Но не понять мне моего искусства...»	Декабрь 1924 г.

Безусловно, эти поэтические метрики были призваны Вагиновым чтобы продемонстрировать его «литературную эволюцию» в эпоху «промежутка», если воспользоваться понятиями из тезауруса формалистов. Неслучайно, что пытаюсь дезавуировать *Опыты соединения слов посред-*

ством ритма в своем докладе «Лирика как орудие классовой борьбы (о крайних флангах в непролетарской поэзии Ленинграда)», один из «правых» критиков Сергей Малахов, относивший себя к «офричникам» (от имени угарного марксиста Владимира Фриче)¹⁸, отметил, что даже «само заглавие книги Вагинова свидетельствует, что он работает по творческим методам формальной школы». По этой причине докладчик пришел

¹⁸ Ср.: «Будучи учеником и последователем “пионера марксистского литературоведения” академика В. М. Фриче, Малахов, по его словам, вместе с М. К. Добрыниным в 1929 г. был направлен в Ленинград “сражаться” с формализмом. За непримиримость, проявленную ими в отстаивании идейных установок своего учителя, Малахов и Добрынин получили от ленинградских формалистов прозвище “офричников”» (Из книги воспоминаний 2006: 191). См. в главе «“Офричники” и формалисты» из воспоминаний Малахова 1960-х гг. «Живые современники»:

Формалисты встретили наш приезд в Ленинград каламбуром, который, пробежав по всему городу как веселый огонек по бикфордову шнуру, взорвался оглушительным хохотом по нашему адресу: «Ну, приехали “офричники”! Теперь вместо литературы будет один “Малахов курган”!»

Дабы превратить это шутовское пророчество в действительную победу марксистского литературоведения над формализмом, приходилось еще немало потрудиться. Формалисты, уже разбитые и вытесненные с ведущих литературоведческих позиций в Москве, еще занимали видное положение в Ленинграде, они оказывали большое влияние на литературные группы и привлекали к себе сочувственное внимание вузовской молодежи бенгальским огнем своего «формального метода», фейерверочным фонтаном полемических доказательств, треском разрывающихся «шутих» своего неожиданного остроумия.

Научно-исследовательский контингент Государственного института истории искусств (ГИИИ) и преподавательский состав его Литературных курсов, превращенные в штаб-квартиру ленинградского формализма, действительно блистали звездами первой величины. Академически фундаментальной В. М. Жирмунский, филологически наиболее снаряженный современным оружием западноевропейского формализма; элегантный и в личном обаянии, и в литературных доводах Юрий Тынянов; блещущий отточенным лезвием литературного анализа, утонченного вкуса и едкого остроумия Борис Михайлович Эйхенбаум; мрачный и талантливый, как Сальери, «разъявший музыку» стиха Б. В. Томашевский. А за этими могучими рыцарями формализма, прославленными в турнирных боях с красными командирами марксистско-ленинского литературоведения, пестрой толпой стояли молодые формалисты — Б. Я. Бухштаб, Л. Я. Гинзбург и другие, готовые вовремя сменить своему сюзеру сломавшееся в стычке копье или пустить из-за его спины отравленную стрелу в побеждающего противника.

Подменяя марксизм взглядами наиболее уязвимых представителей советского литературоведения, формалисты, пожертвовавшие ради остроты своим московским собратом — Г. Шпетом, издевательски говорили в адрес заместителя директора ГИИИ Я. А. Назаренко:

Уж лучше — Шпет, чем никогда,
И — никогда, чем Назаренко!

(Из книги воспоминаний 2006: 192).

Формалистская «острота» — это поговорка, ведущая отсчет от ОПОЯЗа: “zu spät”, — то есть Шпет и его сторонники явились «слишком поздно». В случае «младоформалистов» это поговорка превратилась в конструкцию мнимости: «Боря (Бухштаб) передал мне “по секрету” дошедшую до него фразу Тынянова о нас (об учениках, о “молодом поколении”): “Что же, они пришли к столу, когда обед съеден”» (Гинзбург 1989: 32).

к неутешительным заключениям, что в поэтической практике Вагинова воплощаются теоретические установки формалистов:

Практика этого метода в стихах Вагинова показывает лишний раз реакционную сущность и самого метода и руководствующейся им практики. Ю. Тынянов, один из наиболее талантливых и по-своему наиболее последовательных теоретиков формальной школы, прекрасно раскрывает идеалистическую сущность собственных теоретических предпосылок. Чрезвычайно распространено, с легкой руки самих формалистов, представление об их эмпирическом подходе к литературе, будто бы лишенном руководящих философских установок. Теоретический вывод Тынянова о литературе, как системе формальных приемов, развивающихся имманентно по внутренним законам автоматизации одних приемов и самовозникновения полярно им противоположных, пускай он и кажется Тынянову выводом, вытекающим из изученного материала, свидетельствует, что исследователь руководствуется идеалистическим принципом самодвижения сознания. <...>

К. Вагинов <...> идет именно по хлебниковскому пути формалистского экспериментаторства в области «самовитого слова» и в этом вопросе занимает одну из крайних позиций (Малахов 1931: 161–162).

Этот доклад Малахова вызвал непропорциональный его тематике отклик в литературных кругах — его не оставила без внимания даже эмиграция, причем в фокусе этого короткого газетного высказывания оказался именно Вагинов¹⁹. Более того, заметка была озаглавлена строкой «Предстану я потомкам соловьем» из его стихотворения «Один среди мглы, среди домов ветвистых / Волнистых струн перебираю прядь...» (1923):

---

¹⁹ Ср. в отчете, написанном на грани доноса, корреспондента *Литературной газеты* Б. Реста:

Два последних собрания ленинградских советских писателей посвящены второму — поэтическому — кругу творческой дискуссии.

С докладом «Лирика как орудие классовой борьбы» выступил С. Малахов. Опровергая вздорные утверждения о «нейтральности лирики», он дал развернутый анализ конкретных произведений трех ленинградских поэтов — К. Вагинова, С. Спасского и Н. Брауна. Творчество этих поэтов С. Малахов считает характерным для размежевки, происходящей в попутнической поэзии.

С. Малахов отмечает наличие реакционных тенденций в книге стихов К. Вагинова — «Опыты соединения слов посредством ритма». К. Вагинов тенденциозно воспринимает и искажает советскую действительность, он уходит в бредовый мистический мир...

Характерно, что помещенные в книге стихи, написанные в 1921 г., ничем не отличаются от стихов поэта последних лет. Вагинов, — указывает С. Малахов, — работает по методам формалистской школы, его творческий метод — откровенно идеалистический. Если творчество Вагинова не является законченным выражением буржуазной идеологии, то во всяком случае несет на себе ее заметные следы. С. Малахов подчеркивает то обстоятельство, что безымянный автор предисловия к книге Вагинова, замазывая реакционную сущность творчества поэта, наоборот, находя даже у Вагинова «связь с современностью» (?), называя его чуть ли не революционным поэтом, становится на позиции буржуазной критики.

Бегство от действительности, правда, завуалированное современными мотивами, находит С. Малахов и в творчестве С. Спасского. Спасский до некоторой

Петроградская организация союза советских писателей устроила литературную дискуссию под лозунгом: «Лирика, как орудие классовой борьбы». На эту тему прочел большой доклад советский писатель С. Малахов. С. Малахов дает «развернутый анализ» произведений современных петербургских поэтов. Особенно достается за реакционные тенденции трем из них — К. Вагинову, С. Спасскому и Н. Брауну. — Из этих же трех наиболее повинен Вагинов, работающий, как настаивает С. Малахов «под методом формалистской школы». Вагинову достается за его «откровенную идеалистичность». Тут же в доказательство Малахов приводит и несколько строк из книги «несозвучного» поэта:

Предстану я потомкам соловьем
Слегка разложенным, слегка окаменелым
Скульптуры дерева и сна²⁰.

(Аноним 1931: 10).

Однако, взгляд «формальной школы» на поэзию Вагинова был иным, хотя бы уже потому, что единственным формалистским откликом, кроме известного анекдота Лидии Гинзбург «Поэты»²¹, осталась именно «заметка» Бухштаба. «Я ученик Эйхенбаума и Тынянова, — писал он Вадиму Баевскому 25 ноября 1968 года, — и поэтому был в свое время “отлучен от воды и огня”, не желая каяться и отмежёвываться, хотя среди “младоформалистов” был диссидентом и в семинаре Эйхенбаума и Тынянова яростно напал на своих учителей. Когда с формализмом дело затихло, появился новый “пункт”. И характер мешал всю жизнь» (Баевский 1988: 170).

Несмотря на мемуарное замечание о сложных отношениях со своими учителями, в этой статье Бухштаб дает превосходный пример приложения «формального метода», показывая, как сделана книга Вагинова 1926 года. И всё же, вероятно, продолжая полемику с учителями, он отказывает поэту в следовании Хлебникову, поскольку футуризма «давно нет», а сам Вагинов опирается на иную поэтику:

Вагинов — акмеист; лучше сказать, его путь идет от места гибели акмеизма. Несмотря на это, он интересен. Я говорю «несмотря»: футуризма тоже давно нет, но сейчас поэзия живет под руками тех, кто впитал в себя культуру футуристов или же принял ее, выросши из акмеизма (после разложения школ такой синтез оказался возможным: Тихонов, Антокольский). А в Вагинове нет футуризма. <...>

степени приемлет пролетарскую революцию и этим уже отличается от Вагинова, который на протяжении 10 лет своей поэтической работы о революции не упоминает ни слова. Но вместе с тем творчество С. Спасского подтверждает еще раз, что для революционного поэта недостаточны одни декларации, что необходима и перестройка мировоззрения (Рест 1931: 3).

Как поясняет Т. Никольская, сборник Вагинова *Опыты соединения слов посредством ритма* вышел «с доброжелательным предисловием, автором которого, по словам вдовы поэта, был В. Саянов» (Никольская 1988: 77).

²⁰ Правильная строка: «Полускульптурой дерева и сна» (Вагинов 2012: 82).

²¹ См.: (Гинзбург 1989: 9).

Вагинов не из напоминателей. У него есть путь. Его поэзия связана с последним и высшим достижением акмеизма — с поэзией Мандельштама. Принадлежность писателя к поэтической школе, в которой развилось и выросло его творчество, мы чувствуем и тогда, когда раскрывшийся перед ним путь увлек его далеко за пределы ее рухнувших стен. Вот почему я говорю о Мандельштаме, как об акмеисте. Еще до “Tristia” акмеистическая система в стихах Мандельштама распалась... (Бухштаб 1990: 274).

Здесь уместно привести реакцию самого Мандельштама по записям Лукницкого, разумеется, купировав резкие комментарии Ахматовой, в это время не расположенной к поэзии и не способной к творческой работе²²:

20.03.1926

Я спросил АА<хматову>, читала ли она книжку Вагинова? Ответила, что не читала, и спросила мое мнение о ней. Я сказал, что, по моему мнению, стихи несамостоятельны, есть чужие влияния — Мандельштама, В<ячеслава> Иванова, Ходасевича; но — культурны, и мне нравятся. Сказала: «Теперь буду читать, когда вы сказали». Я прибавил: «Мандельштам — мне говорили — в восторге от этой книжки, говорит, что Вагинов чуть ли не второй Тютчев, но я боюсь, что Мандельштам перегнул палку в другую сторону» (Лукницкий 1997: 79).

И вновь три дня спустя:

23.03.1926

АА рассказала мне, что говорила (вчера? сегодня утром?) с Мандельштамом по телефону и между прочим — о книжке Вагинова (спросила его мнения, потому что сама она еще не прочла книжку).

«Оська задыхается!» Сравнил стихи Вагинова с итальянской оперой, назвал Вагинова гипнотизером. Восхищался безмерно. Заявил, что напишет статью о Вагинове, в которой будут фигурировать и гипнотические способности Вагинова, и итальянская опера, и еще тысяча других хороших вещей. <...>

И АА сказала, что написанная Мандельштамом статья о Вагинове будет, вероятно, одной из его блестящих, но ни к чему не обязывающих “cause-ries” (Лукницкий 1997: 82–83).

Далее Бухштаб приводит свои обоснования относительно *exhaustion* собственно вообще системы письма 1910-х годов, которая оказывается неприложима в контексте нового времени: «В Вагинове разложение акмеистической системы достигло предела. Не строфы, не двустрочия, но каждое слово отталкивается здесь от соседнего; отсюда несочетаемый, нереализуемый вагиновский эпитет: “голос лысый”, “Берлин двухборт-

²² О ревнивой реакции Ахматовой на книгу Вагинова 1926 г. и ее неуместных высказываниях в отношении поэта см. в послесловии Т. Никольской к публикации: (О Вагинове 1989: 72). «Не исключено, что Вагинов был знаком с мнением Ахматовой о его стихах, — подытоживает Никольская. — Так или иначе он вывел ее под именем Аглаи Николаевны в одном из эпизодов своего “романа с ключом” “Козлиная песнь”». Здесь же она замечает: «В 1935 году Мандельштам познакомился с последними стихами Вагинова и, по словам С. Рудакова, восхищался ими, сравнивая с Бодлером и Новалисом» (Там же: 72).

ный”, “женщина с линейными руками”, “морей небесных пламень”. Стих Вагинова рассчитан на вызываемые ассоциации, — но не идет по ним, как шел у Мандельштама...» (Бухштаб 1990: 274).

Однако он также усматривает в стихотворениях Вагинова новую тенденцию, соответствующую литературным намерениям эпохи «промежутка» — реализацию теоретических посылок формализма на письме путем поэтического языка. Отсюда и выбранный Бухштабом стиль его «заметки» — он предлагает читателю и «будущему исследователю» формальный анализ поэзии Вагинова, уделяя большее внимание точным параметрам метрики и отличительным признакам интонации в стихотворениях книги 1926 года, чем, например, аморфным описательным высказываниям об «образности» или «авторских мотивах».

Бухштаб пишет:

У Вагинова нет своих слов. Все его слова вторичны. Он берет чужие отработанные слова, слагающиеся в чужие образы. Иногда Вагинов прямо говорит голосом Мандельштама:

Я полюбил широкие камни,
Тревогу трав на пастбищах крутых²³.

Бедность Вагинова нарочита. Его слепые слова с перебитым «прямым смыслом» выветрены литературой, но в ней же крепко обросли «вторичными признаками значения» (термин Ю. Тынянова). Его слова не бесцветны, и, выстроенные рядом, — безголосые — они с тем большей ясностью доводят до сознания ту общую окраску, по которой подобраны.

Струна гудит, и дышат лавр и мята
Костями эллинов на ветряной земле²⁴.

Обратите внимание на составные слова у Вагинова. Иногда в них так же несоединимы части, как несоединимы у Вагинова соседние слова. Это слова с нереализуемым смыслом, — но читая стих, вы даже не заметите, что это «неологизмы»; до того в них важна только окраска, и до того эта окраска знакома:

Как сановитый ход коня
Как смугломраморные лавры²⁵.

.....
.....
И ложным покажется ухо,
И скипетронощный прибор,
И золото черного шелка
Лохмотий его городов²⁶.

²³ Начало стихотворения, помеченного «Январь 1923 г.» (Вагинов 1926: 18–19).

²⁴ Из «На скоротечный путь вступаю неизменно, / Легка нога, но упадет путь...» — второй части «Поэмы квадратов», с датой «Июнь 1922 г.» (Вагинов 1926: 10–11).

²⁵ Из стихотворения «И пестрой жизнь моя была / Под небом северным и острым...», помеченного «Февраль 1923 г.» (Вагинов 1926: 23–24).

²⁶ Заключительный катрен стихотворения «О сделай статуей звенящей / Мою оболочку, Господь!..» с датой «Апрель 1924 г.» (Вагинов 1926: 34–35).

Хоровод непонятных знакомцев — слов — постоянная тема Вагинова²⁷.

Прозрачен для меня словесный хоровод.
Я слово выпущу, другое кину выше.
Но, всё равно, они вернутся в круг²⁸.

.....

И я вошел в слова, и вот кружусь я с ними,
Танцую в такт над дикой крутизной²⁹.

«Классичность» стихам Вагинова придает их безрифменность. Сперва она воспринимается только как подчеркивание стиховой бедности, но потом начинаешь на некоторое время понимать древних, презиравших грубость этого варварского украшения. Беден размер — почти всегда ямба, в основе пятистопный, но принимающий в себя 4-х и 6-тистопные строки³⁰. Количество стоп увеличивается обычно в конце, откуда особое чувство замедленного к концу темпа. <...>

Интересна у Вагинова чистота интонационных схем. Это результат «пустой фразы». Вот почему Вагинову удается диалог. «Диалог сумасшедших» для непозитического уха; диалог, держащийся не на произносимом, а на одной смене интонаций. Таков диалог между «человеком» и «хором» (с. 15–17)³¹, где через невнятицу слов слышишь чередование одинокого вопля «человека» с торжественно-успокоительным тоном отвечающего хора (Бухштаб 1990: 275–276).

Любопытно, что Бухштаб в последнем приведенном здесь абзаце как бы предсказывает читательскую реакцию — «“диалог сумасшедших” для непозитического уха», — возвращаясь эхом к литературным критикам из пролога своей статьи: «...ни один из критиков, представляющих массового читателя, не отозвался на нее даже обычным: “автора надо засадить в сумасшедший дом”; — сборник встречен гробовым молчанием». Это категорическое утверждение, сделанное больше, чем через два года после

²⁷ Ср. сходный сантимерт Марии Юдиной, которая писала 8 мая 1926 г. Михаилу Гнесину: «Сейчас надо научить слушателя активному восприятию — надо, чтобы у него работала фантазия, чтобы расшифровывала “изменение образов”, бесконечную нагруженность, как у зрелого плода, <...> есть один поэт, Вагинов (молодой, но необычный), у него где-то сказано: “Не в звуках музыка — она Во измененьи образов заключена — Читаешь книгу — вдруг поет небесный хоровод”, там же сказано: “И предо мною слово — точно коридор”. Там же — “Как путешествие под бурною луной”. Вот вызвать слушателя следовать за собою “по коридору” понятий, образов, целых пластов культуры и мира — вот об этом я мечтаю» (О Вагинове 1989: 72).

²⁸ Строки из упомянутого выше стихотворения «Я полюбил широкие каменья...».

²⁹ Из «шекспировского» стихотворения Вагинова «Из женовидных слов змеей струятся строки, / Как ведьм распахнутый кричащий хоровод...» с датой «Апрель 1924 г.» (Вагинов 1926: 35–36).

³⁰ Ср. оговорку Веры Лурье о ритмике Вагинова: «Также он избегает однородного метра и в особенности любит смешивать разностопные ямбы» (Лурье 1923: 12).

³¹ Имеется в виду диалог «Человека» и «Хора» в стихотворении «Среди ночных блистательных блужданий, / Под треск травы, под говор городской...», помеченного «Август 1922 г.» (Вагинов 1926: 15–17). Об этом стихотворении идет речь в найденном мной однажды докладе на вечере ленинградского Союза поэтов 12 марта 1926 г., посвященного выходу книги Вагинова (см. ниже).

выхода книги, на самом деле, не оправдалось. Всё-таки критика не оставила Вагинова без внимания.

Первым откликом был доклад, который был прочитан, как теперь становится очевидным, дважды. Не совсем понятно, какой вечер состоялся первым — в ленинградском Союзе поэтов или всё же частный, о котором написала Наппельбаум, а в свою очередь, Никольская указала место встречи, «когда вышла из печати вторая стихотворная книга Вагинова, в доме Юдиной был устроен посвященный ему вечер» (Никольская 1988: 73). Будем считать, что вечер дома у Юдиной случился раньше, и у нас есть конкретная дата — 7 мая 1926 года. В этот день Лукницкий писал Горнунгу:

Работа моя движется, но последнее время медленно. Только вчера засел за нее опять надлежащим образом. Сегодня был на вечере, посвященном творчеству К. Вагинова, — вечер был закрытый и происходил в частной (зато — огромной) квартире. Читал длинный, замысловатый, а в общем неудовлетворительный доклад о Вагинове Пумпянский. Потом он же читал стихи Кости, не вошедшие в книгу (начиная с 21 г.), и всю книгу. Вечер закончился чтением самим Вагиновым стихов, написанных после выхода книжки, а их немало.

Сейчас — ночь, я устал смертельно, но всё же решил сесть за письмо, п<отому> ч<то> иначе еще неделю бы не собрался. <...>

Живу консервированной жизнью — тихо, тихо... и утомительно. Сегодня получил от Фр<едерики> Наппельбаум только что вышедшую ее книжку. Книжка лучше, чем я ожидал, хотя много неопределенных влияний и, между прочим, — К. Вагинова.

На днях выходит из печати альманах Союза поэтов — там моя вторая «Мечеть».

Вот и всё о себе и литературе (Гумилев в переписке 1994: 542–543).

В заключении этого фрагмента Лукницкий упоминает выход альманаха ленинградского Союза поэтов *Собрание стихотворений*, где было опубликовано стихотворение Вагинова «И снова мне мерещилась любовь...», позже включенное им в *Опыты соединения слов посредством ритма*. Одновременно оно появилось в альманахе *Ковши*, рецензент которого жаловался: «Линия “Ковша” неуловима. Четвертый номер дает еще более пестрый материал, чем предыдущие: здесь и Горький <...>, и Садофьев рядом с Вагиновым, и Жаров рядом с Пастернаком, и вообще — на “все вкусы”. <...> Стихов очень много, и они как будто нарочито “обрамлены” двумя стихотворениями на “модные темы”: стихотворением Садофьева об Есенине <...> и пресным стихотворением И. Оксенова о Пушкине» (М. 1926: 235–236).

Про другое празднование книги Вагинова написал Леонид Чертков:

Что же касается вечера в Союзе писателей, то отчетов о нем найти не удалось, но некоторыми воспоминаниями с нами поделился покойный М. М. Бахтин. Он в частности указал, что вечер открылся вступительным словом Бенедикта Лившица, сравнившего Вагинова с Анахарсисом, а с основным докла-

дом выступил Л. В. Пумпянский. Основной тон выступлений был положительный, но были и нападки со стороны крестьянского поэта Ивана Приблудного. Можно предположить, что Вагинов был не очень доволен докладом, результатом чего оказался последующий конфликт с Пумпянским, которого Вагинов вывел в образе Тептелкина в романе «Козлиная песнь». Пумпянский же текст доклада уничтожил. А известный нам уцелевший фрагмент его не дает материала для суждений, кроме разве того, что доклад был выдержан в социологическом ключе, что и могло вызвать раздражение поэта.

Фрагмент этого доклада Пумпянского я — в свое время — вслед за Чертковым скопировал в отделе рукописей Публички (РНБ) и после не без удовольствия подарил Анне Герасимовой, которая опубликовала его в «Водолеевском» собрании стихотворений Вагинова (Вагинов 1998: 126–127)³². Вот как это получилось:

Л.В. Пумпянский. О стихах К. Вагинова.

Современная поэзия — реалистична и повествовательна. Группа конструктивистов в Москве даже выдвинула тезис — каждое стихотворение должно иметь заглавие. Перебрав отдельные элементы стиха (образ, ритм, звук), поэты открыли новую область — композицию. В большинстве современных стихов запоминается логическое содержание. Роль слова заглушается. Оно превращается в служебный строительный материал. Утрачивается внимание к отдельному образу, к эпитету, к строчке.

Стихи К. Вагинова резко отличаются от характера поэзии наших дней. Вагинов не реалист и не рассказчик. Ни одну его вещь не передашь своими словами, не определишь заглавием. Ритмическое течение его образов не регулировано фабулой и не опирается на рифму и строфику. Читая его стихи, словно воспринимаешь образы сновидений. В такой беспричинной, немотивированной внешне связи, развивает он свои сопоставления. Недаром, столько раз ссылается он на сон, как на условие развития темы («Я воплотил унывный голос ночи, / Всех сновидений юности моей. / <...> Как странно мне, что здесь себя я встретил, / Что сам с собой о сне заговорил»³³; «И снится им обоим, что приплыли <...> В спокойный дом на берегах Невы»³⁴; «Полудремотное существование — / Вот что осталось от меня»³⁵; и т. д.).

Композиция его причудлива и неожиданна. «Осколки, камешки, сучки»³⁶ — вот странная коллекция, собранная автором «среди ночных блистательных блужданий»³⁷. И, однако, не только каждое стихотворение, но и вся книга представляет из себя живой и целостный организм.

Дело в том, что Вагинов ни одного предмета не принимает «на веру». Каждый кусок природы, каждое душевное состояние он пересматривает за-

³² Исправления неточностей при воспроизведении здесь доклада специально не оговариваются.

³³ Начало стихотворения с пометой «Июль 1923 г.», вошедшего в книгу 1926 г. (стр. 25).

³⁴ Из второй строфы стихотворения «Психея» («Спит брачный пир в просторном мертвом граде...») из книги 1926 г. (стр. 33).

³⁵ Из стихотворения «Анахарзис» («Под чудотворным нежным звоном...») из книги 1926 г. (стр. 46–47).

³⁶ Из того же стихотворения «Анахарзис» («Под чудотворным нежным звоном...»).

³⁷ Из стихотворения «Среди ночных блистательных блужданий...», напечатанного в первом сборнике *Абракас* (стр. 49).

ново. Вся его поэзия — напряженное выискивание своих слов. Отдельный эпитет может быть неудачным, но не пустым. И это свое зрение, «своя рука» во всем делает стихи Вагинова однородными и крепкими, как обломки одной горной породы.

Стихия поэта — фантастика. В его пейзаже сплавлены «финский берег»³⁸ и «Великой Греции роскошные утра»³⁹. Его герой скользит «плоской тенью под лихолетьем одичалым, среди проулков городских»⁴⁰. Он не удивится, если встретит сам себя, или даже увидит, как

«Его же голос, сидя в пышном доме
Кивал ему и пел и рвался сквозь окно»⁴¹.

И, однако, его анахронизмы — только маски современности. Его фантазия не беспочвенна. Она впитала в себя атмосферу того периода, когда «вымирили»⁴² проспекты в «пространном, мертвом граде»⁴³ и вдали означалось «вступление зари в еще живые ночи»⁴⁴. Недаром рубеж книги, последнее стихотворение рассказывает нам, как

«— Из домов трудолюбивый шум
Рассеивает сумрак и тревогу
И новый быт слагается»⁴⁵.

³⁸ Повторяющийся образ у Вагинова. См. стихотворения «Петербургский звездочет» («Дыханьем Ливии наполнен финский берег...») и «Шумит Родос, не спит Александрия...» из книги 1926 г. (стр. 17–18); а также цикл «Финский берег» 1923 г. (Вагинов 2012: 78–80).

³⁹ Из третьего стихотворения в «Поэме квадратов» из книги 1926 г. (стр. 12).

⁴⁰ Из стихотворения, опубликованного в книге 1926 г. (стр. 36–37), которое начинается:

Под лихолетьем одичалым,
Среди проулков городских,
Он еле видной плоской тенью
Вдруг проскользнул и говорит:
«Мне вспыхивать, другим — сиянье.
«Но вспыхиванье — суета.
«Я оборвался среди зияний,
«До вас разверзлась жизнь моя».

⁴¹ Из стихотворения «Под гром войны тот гробный тать / Свершает путь поспешный...» из книги 1926 г. (стр. 28–30).

⁴² Ср. в стихотворении «Анахарзис» из книги 1926 г. (стр. 47):

И каждый камешек напоминает
Ему, то тихий говор хат
То громкие палаты дождей,
Быть может, первую любовь
Среди петербургских улиц шумных
Когда вдруг вымирал проспект
И он с подругой многогульной
Который раз свой совершал пробег
Обеспокоен смутным страхом
Рассветом детством и луной.

⁴³ Ср. зачин стихотворения «Психея» из книги 1926 г. (стр. 33–34): «Спит брачный пир в просторном мертвом граде. / И узкое лицо целует Филострат...».

⁴⁴ Кода стихотворения «О сколько лет я превращался в эхо / В стоящий вихрь развалин тевных...» из книги 1926 г. (стр. 50).

⁴⁵ Стихотворение «Да, целый год я взвешивал, / Но не понять мне моего искусства...» завершает книгу 1926 года. Правильная цитата на странице 53:

В наше время при оценке поэта встает вопрос об его общественной значимости. Легко упрекать поэзию в оторванности от жизни, если она в своих темах не разрешает актуальных вопросов современности. Но нельзя забывать, что любая текущая тема может быть гораздо более живо и понятно разработана в газетной статье, чем в условной ритмической речи поэта. Выращивать же язык, обогащать его повороты...

При перепечатке этого доклада Пумпянского (ср.: Вагинов 2012: 289–290), Герасимова предложила новую версию авторства этого выступления: «Оригинал (два больших рукописных листа) хранится в ОР РНБ, фотокопия же, вкуче с предполагаемой атрибуцией, в свое время была любезно подарена нам А. Б. Устиновым. Однако, по предположению А. Л. Дмитренко, автором фрагмента является С. Д. Спасский. И в самом деле, за это убедительно говорит сравнение почерка с его сохранившимися автографами» (Вагинов 2012: 289).

Эта атрибуция вызывает сомнения, поскольку на основании автографа доклада предположить авторство по почерку — невозможно. Похожим почерком обладал, например, Иннокентий Оксенов, который к тому же был гораздо ближе, чем Спасский, к сюжету книги и шире — к персоне Вагинова как поэта в ленинградской литературной среде этого времени. Именно ему принадлежит единственная печатная рецензия в советской прессе на книгу Вагинова 1926 года⁴⁶:

КОНСТАНТИН ВАГИНОВ. Ленинград. 1926. Стр. 58. Тираж 500.

Вагинов хорошо известен постоянным посетителям собраний ленинградского Союза поэтов. Широкому читателю это имя, вероятно, ничего не говорит, так как печатался Вагинов сравнительно мало. Есть, впрочем, и другие причины, по которым интерес к творчеству этого своеобразного поэта не выходит за пределы сравнительно узкого круга: Вагинов, пока что, поэт для поэтов и критиков, и его стихи с трагической тематикой, живущие деформированным классическим каноном, еще не могут найти дороги к широкому читателю.

Да, я поэт трагической забавы,
А все же жизнь смертельно хороша,
Как будто женщина с линейными руками,
А не тлетворный куб из меди и стекла.

При всей культурности и высоком мастерстве Вагинова, творчество его не живет до сих пор настоящей жизнью. Никто не требует от поэта откликов на «злобы дня», гораздо ценнее глубокое, интимное соответствие, созвуча-

---

Но из домов трудолюбивый шум
Рассеивает сумрак и тревогу
И новый быт слагается,
Совсем другие песни
Поются в сумерках в одноэтажных городах.

⁴⁶ Ср. также замечание в отзыве Августы Рашковской: «Как будто из другой эпохи — стихи К. Вагинова (“Стихи”). Большая сознательность и большая отрешенность. Резкий отход от современности, интересный и тематически и стилистически» (Рашковская 1927: 3).

ние той жизни, участниками и строителями которой мы все являемся. Этого у Вагинова нет (будем думать, что еще нет) — как поэт, он живет пока что в замкнутом круге. До тех пор, пока мир будет представляться Вагинову «тлетворным кубом», его творчество будет бесплодным «обогачением пустоты» и до современного читателя не дойдет. Но есть надежда на большой, значительный поворот Вагинова, — быть может, не только к новым темам, но и к новому мироощущению:

Нет, я другой. Живое начертанье
Во мне растет, как зарево.

Если это осуществится, Вагинов из «пережившего становление символиста»⁴⁷ превратится в живого, волнующего поэта. Мастерство Вагиновым уже завоевано. Будем ждать «оживления статуи» (Оксенов 1926: 3)⁴⁸.

Тем не менее, главный ответ на книгу 1926 года пришел из иных мест. Той же весной, а точнее 14 апреля Владислав Ходасевич писал Михаилу Фроману:

Книжку Вагинова я не получил. Вероятно, Вы послали ее в Chaville, а мне оттуда уже перестали посылать. Если, как обещаете, пришлете другой экз-емпляр, очень обяжете. Я Вагинова очень помню. Он мне всегда казался даровитым, и его успехи, о которых Вы пишете, меня сердечно радуют. Ида Моисеевна <Наппельбаум> была так добра, что предложила прислать книги. Покупать — не покупайте, но если достанете для меня что-нибудь от авторов или издателей сейчас и впредь, — это было бы чудесно. Книги вообще доходят исправно и быстро. К несчастью, по понятным причинам, не смогу ответить вам тем же (Ходасевич 1990: 540).

13 июня 1926 года в газете *Дни* (№ 1037, стр. 3) была напечатана статья Ходасевича «Парижский альбом. II», из которой следовало, что он не только получил книгу Вагинова, но и прочитал ее:

Книги, изданные в России, залетают сюда случайно. Случайно попала мне в одном магазине книжечка стихов молодого поэта Константина Вагинова. Это — его первый сборник, недавно отпечатанный в Петербурге.

Я встречал Вагинова в 1921–1922 гг., среди петербургской литературной молодежи. (Пожалуй, надо бы сказать — детворы: иным было лет по шестнадцати.) Он производил впечатление несомненно одаренного человека. Книг тогда почти не печатали, литература была изустной. Стихи, которые Вагинов читал в кружке «Звучащей Раковины» и на «наппельбаумовских понедельниках», были довольно несуразны, до последней степени метафоричны, и до смысла в них трудно было добраться. Но в самой несвязице вагиновских стихов было что-то «свое», она была как-то своеобразно окрашена. Наконец, звучала в них подлинная ритмичность, они были к тому же хорошо инструментованы. Словом, казалось, что из Вагинова может получиться некоторый толк. Темную несвязицу его стихов хотелось простить, не заметить, отбросить: во-первых, она, быть может, уж и не так велика: ведь мы воспринимали вагиновские стихи с голоса; во-вторых, можно было надеяться, что увлече-

⁴⁷ Отсылка к рецензии И. Груздева (см. выше).

⁴⁸ Здесь исправлена порча текста в предыдущих репринтах: (Вагинов 1998: 127–128); (Вагинов 2012: 291).

ние полубесмыслицей у юного автора схлынет, а дарование останется. Так смотрели на стихи Вагинова многие, в том числе покойный Гумилев, человек зоркого и тонкого понимания во всем, что касалось *формальной* стороны в поэзии.

Но вот — миновало пять лет, и в книжке Вагинова читаю:

Не человек: всё отошло и ясно,
 Что жизнь проста. И снова тишина.
 Далекий серп богатых Гималаев,
 Среди равнин равнина я
 Неотделимая. То соберется комом,
 То лесом изойдет, то прошумит травой.
 Не человек: ни взмахи волн, ни стоны,
 Ни грохот волн и отраженье волн.
 И до утра скрипели скрипки, —
 Был ярок пир в потухшей стороне.
 Казалось мне, привстал я человеком,
 Но ты склонилась облаком ко мне.

Хороший ямб, хороший словарь. Но смысла не улавливаю. Начинаю вчитываться очень медленно, перечитываю несколько раз, мысленно развертываю каждое слово во всевозможных его значениях — и кое-какой, очень смутный, где-то вдали маячащий намек на смысл обретаю. Не могу поручиться, но, кажется, Вагинов хочет сказать, что под влиянием какой-то «её» (существа, может быть, одушевленного, а может быть — абстрактного) он утратил вкус ко всякой сложности. Мысль не сложная, не большая; и мне становится жаль времени, потраченного на расшифровку (Ходасевич 1990: 402–403)⁴⁹.

---

⁴⁹ Ср. замечание публикаторов: «Гулливер <общий псевдоним В. Ходасевича (преимущественно) и Н. Берберовой. — А. У.> впоследствии часто отзывался в своей “Литературной Летописи” в *Возрождении* о творчестве Вагинова» (Ходасевич 1990: 540), — например 20 октября 1927 г.: «Стихи Вагинова <в восьмом номере *Звезды* за 1927 г.> по-прежнему очень капризны и мало серьезны, как и семь лет тому назад» (Там же: 540). Ср. также:

17-го мая 1934 г., в заключительных словах некрологической заметки о Вагинове, Гулливер писал: «Вагинов был болезненный, несколько странный, но милый и одаренный человек, не успевший, да и не могший вполне развиваться в советских условиях. Гулливер знал его совсем юношей, а потом сочувственно следил издали за его литературными выступлениями. Очень жаль его».

Наконец, 7-го февраля 1935 г. в рецензии на последний номер ж<урнала> *Литературный Современник* он писал: «Впрочем, обращает на себя внимание стихотворение умершего год тому назад поэта Константина Вагинова. Оно, конечно, далеко не совершенно, многое в нем слишком сыро и недоделано, но оно очень характерно для этого талантливого и печального поэта, так рано кончившего жизнь:

Подделки юную любовь напоминают,
 Глубокомысленно на полочках стоят.
 Так нежные сердца кому-то подражают,
 Заемным опытом пытаются сиять.

Но первая любовь, она благоухает,
 Она, безумная, не хочет подражать,
 И копии и слепки разбивает
 И пенъем наполняет берега.» (Ходасевич 1990: 541–542).

При всём при этом определенный вектор поэтической эволюции Вагинова — о чем он тогда вряд ли мог догадываться — задал именно Оксенов. Через три дня после публикации своей рецензии на книгу 1926 года, — а именно «с этой книги начинается Вагинов, каким мы его знаем, любим и не понимаем» (*Ленинградская хрестоматия* 2021: 98), — Оксенов напечатал в *Красной газете* статью «Ленинградские поэты», где содержался следующий пассаж:

Широкие читательские массы хорошо знают относительно крупных поэтов. Однако, не всем быть Тихоновыми. В рядах ленинградского Союза есть немало менее выдающихся, но достаточно интересных для читателя поэтов, которые хорошо известны только постоянным посетителям «пятниц». С их произведениями аудитории приходится знакомиться, главным образом, в устной передаче, потому что большинству членов Союза просто негде печататься. Стихи в чтении авторов производят, однако, не всегда должное впечатление, в зависимости от индивидуальных недостатков и особенностей читки. «Громкая» популярность заумников, в частности Д. Хармса, объясняется главным образом, его «песенным» методом читки. Теперь, когда Д. Хармс стал отходить от «зауми» и начал писать почти «понятные» стихи, по фактуре приближающиеся к К. Вагинову, его «популярности» грозит крах, а на самом деле поэт идет вперед. Думается, что отношение аудитории к Хармсу было бы обратным, если бы его стихи можно было читать, а не только слушать.

Но положение с изданием стихов было до сих пор таково, что лишь с большим трудом, при товарищеской поддержке, удалось выпустить в 1926 г. две тоненькие книжки таких бесспорных, почти сложившихся, поэтов, как К. Вагинов и Ник<олай> Браун.

В некотором смысле такое сближение стихотворений Хармса, «по фактуре приближающихся к К. Вагинову», с поэтикой книги 1926 года было очевидным сигналом к действию. Можно не сомневаться, что это замечание Оксенова послужило решающим доводом в привлечении Вагинова к новому объединению «левых» поэтов Ленинграда — сначала возглавляемой Хармсом «Академии левых классиков», а к концу года — Объединению реального искусства. Именно так Вагинов вошел в ОБЭРИУ, где он отнюдь не был ни «случайным» или «формальным участником» (Вагинов 2012: 356)⁵⁰, ни тем более лишним.

---

⁵⁰ Ср. митигацию этого заявления в предисловии: «Принято говорить об отсутствии тесной творческой близости между Вагиновым и обэриутами. И все же определенная близость, несомненно, есть — то же сочетание несочетаемого, ироническое разрушение рутинного поэтического языка, основополагающее представление о реальной магии слова, магической реальности искусства» (Вагинов 2012: 25).

ЛИТЕРАТУРА

- Адамович Георгий. «Литературные беседы». *Звено* (Париж) 156 (24 января 1926): 2.
- Адамович Георгий. «Литературные беседы». *Звено* (Париж) 2 (1 августа 1927): 67–75.
- А<дамович> Г<еоргий>. «Памяти К. Вагинова». *Последние Новости* (Париж) 4830 (14 июня 1934): 3.
- Баевский Вадим. «Я не был лишним». (Из воспоминаний о Б. Я. Бухштабе). Чудакова М. О. (Отв. ред.). *Четвертые Тыняновские чтения. Тезисы докладов и материалы для обсуждения*. Рига: Зинатне, 1988: 168–186.
- <Без подписи>. «Предстану я потомкам соловьем». *Новое Русское Слово* (Нью-Йорк) 6811 (20 сентября 1931): 10.
- Берберова Нина. «Из петербургских воспоминаний. Три Дружбы». *Опыты* (Нью-Йорк) Кн. 1 (1953): 163–180.
- Бухштаб Борис. «Вагинов». Публ. Г. Г. Шаповаловой. Вст. ст. и прим. А. Г. Герасимовой. Чудакова М. О. (Отв. ред.). *Тыняновский сборник: Четвертые Тыняновские чтения*. Рига: Зинатне, 1990: 271–277.
- Вагинов Константин. *Петербургские ночи*. Подг. текста, посл. и комм. А. Л. Дмитренко. (Петербургская поэтическая культура. II). Санкт-Петербург: Гиперион, 2002.
- Горнунг Лев. «<Рец.> “Город”». Литература и искусство. Сборник первый. Петербург 1923 г. стр. 112». *Гермес* (Москва) 3 (1923): 420–423.
- Горнунг Лев. «<Рец.> “Звучащая раковина”». Сборник стихов. П. 1922. стр. 100». *Гермес* (Москва) 3 (1923): 436–439.
- Горнунг Лев. «Свидетель терпеливый...». Горнунг Лев. *Дневники, мемуары*. Сост. Т. Нешумова. Москва: АСТ, 2019.
- Груздев Илья. «<Рец.> “Звучащая Раковина”». Сборник стихов. Петер. 1922. Стр. 98». *Книга и революция 7/19* (1922): 60–62.
- Груздев Илья. «Русская поэзия в 1918–1923 гг. (К эволюции поэтических школ)». *Книга и революция 3/27* (1923): 38.
- «Из книги воспоминаний С. А. Малахова “Живые современники” (1960-е гг.)». Публ. В. С. Федорова. Муромский В. П. (Отв. ред.) *Из истории литературных объединений Петрограда–Ленинграда 1920–1930-х годов: Исследования и материалы*. Кн. 2. Санкт-Петербург: Наука, 2006: 190–228.
- Книги и рукописи в собрании М. С. Лесмана*. Москва: Книга, 1989.
- Кузмин Михаил. «Письмо в Пекин». *Абракасас*. Ноябрь. Петроград, 1922: 58–62.
- Кузмин Михаил. «Парнасские заросли». *Завтра, Литературно-критический сборник*. I. <Берлин:> Петрополис, 1923: 114–122.
- Кузмин Михаил. *Проза*. Т. XI: Критическая проза. (Modern Russian Literature and Culture. *Studies and Texts*. Vol. 39). Кн. 2. Oakland: Berkeley Slavic Specialties, 2000.
- Кузмин Михаил. *Дневник 1934 года*. Изд. 2-е, испр. и доп. Под ред. Г. А. Морева. Санкт-Петербург: Изд-во Ивана Лимбаха, 2007.
- Левинтон Георгий, Устинов Андрей. «Материалы о Кузмине в журнале “Гермес”». Казанский Н. Н. (Отв. ред.). *Материалы конференции, посвященной 110-летию со дня рождения академика В. М. Жирмунского*. Санкт-Петербург: Наука, 2001: 322–334.
- Ленинградская хрестоматия (от переименования до переименования)*. Маленькая антология великих ленинградских стихов. Сост. О. Юрьев. Санкт-Петербург: Изд-во Ивана Лимбаха, 2021.
- Лукницкий Павел. *Асимана. Встречи с Анной Ахматовой*. Т. I: 1924–25 гг. Paris: YMCA-Press, 1991.
- Лурье В. «Петроградское». *Дни* (Берлин) 232 (5 августа 1923): 12.
- М<ейсельман Александр?>. «<Рец.> “Ковш”». Книга IV. Гиз. Ленинград. 1926». *Звезда* 4 (1926): 235–237.
- Малахов С. «Лирика как орудие классовой борьбы (о крайних флангах в непролетарской поэзии Ленинграда)». *Звезда* 9 (1931): 161–166.
- «Н. С. Гумилёв в переписке П. Н. Лукницкого и Л. В. Горнунга». Публ. И. Г. Кравцовой. Эльзон М. Д., Грознова Н. А. (Сост.). *Николай Гумилёв: Исследования и материалы. Библиография*. Санкт-Петербург: Наука, 1994: 491–563.

- Наппельбаум Ида. «Памятка о поэте». Чудакова М. О. (Отв. ред.). *Четвертые Тыняновские чтения: Тезисы докладов и материалы для обсуждения*. Рига: Зинатне, 1988: 89–95.
- Никольская Татьяна. «К. К. Вагинов (Канва биографии и творчества)». Чудакова М. О. (Отв. ред.). *Четвертые Тыняновские чтения: Тезисы докладов и материалы для обсуждения*. Рига: Зинатне, 1988: 67–88.
- О. К. <Оксенов Иннокентий>. «<Рец.> Константин Вагинов. Ленинград. 1926. Стр. 58. Тираж 500». *Красная газета* 276/1280 (21 ноября 1926): 3.
- «О Вагинове. Из дневника П. Лукницкого». Публ. и подг. текста В. Лукницкой. Послесловие Т. Никольской. *Литературное обозрение* 5 (1989): 71–72.
- Пахомова Александра. «Константин Вагинов в ленинградском Союзе поэтов». *Летняя школа по русской литературе*. Т. 12. № 3 (2016): 303–316.
- А<дриан> П<иотровский>. «<Рец.> “Абракас”». Сборник I-й. Петербург, 1922 год. *Жизнь Искусства* 47/870 (28 ноября 1922): 7.
- Рашковская А. «На поэтических путях». *Красная газета* 283/1287 (28 ноября 1927): 3.
- Рест Б. «Лирика как орудие классово-политической борьбы. На докладе С. Малахова (от нашего ленинградского корреспондента)». *Литературная газета* 46 (25 августа 1931): 3.
- Тизенгаузен Орест. «Салоны и молодые заседатели петербургского парнасса». *Абракас*. Октябрь. Петербург, 1922: 59–62.
- Хармс Даниил. *Записные книжки. Дневник*: В 2-х кн. Кн. 1. Под ред. Ж.-Ф. Жаккара и В. Н. Сажина. Санкт-Петербург: Академический проект, 2002.
- Ходасевич Владислав. *Собрание сочинений*. Под ред. Джона Мальмстада и Роберта Хьюза. Т. 2: *Статьи и рецензии 1905–1926*. Ann Arbor: Ardis Publishers, 1990.

REFERENCES

- Adamovich Georgij. “Literaturnye besedy”. *Zveno* (Parizh) 2 (1 avgusta 1927): 67–75.
- A<damovich> G<eorgij>. “Pamyati K. Vaginova”. *Poslednie Novosti* (Parizh) 4830 (14 iyunya 1934): 3.
- Baevskij Vadim. “‘Ya ne byl lishnim’ (Iz vospominanij o B. Ya. Buhstabe)”. Chudakova M. O. (Otv. red.). *Chetvertye Tynyanovskie chteniya: Tezisy dokladov i materialy dlya obsuzhdeniya*. Riga: Zinatne, 1988: 168–186.
- Berberova Nina. “Iz peterburgskih vospominanij. Tri Druzhby”. *Opyty* (N’yu-York) Kn. 1 (1953): 163–180.
- <Bez podpisi>. “Predstanu ya potomkam solov’em”. *Novoe Russkoe Slovo* (N’yu-York) 6811 (20 sentyabrya 1931): 10.
- Buhstabs Boris. “Vaginov”. Publ. G. G. Shapovalovoj. Vst. st. i prim. A. G. Gerasimovoj. Chudakova M. O. (Otv. red.). *Tynyanovskij sbornik: Chetvertye Tynyanovskie chteniya*. Riga: Zinatne, 1990: 271–277.
- Gornung Lev. “<Rec.> ‘Gorod’”. *Literatura i iskusstvo*. Sbornik pervyj. Peterburg 1923 g. str. 112”. *Germes* (Moskva) 3 (1923): 420–423.
- Gornung Lev. “<Rec.> ‘Zvuchashchaya rakovina’”. Sbornik stihov. P. 1922. str. 100”. *Germes* (Moskva) 3 (1923): 436–439.
- Gornung Lev. “Svidetel’ terpelivij...”. Gornung Lev. *Dnevnik, memuary*. Sost. T. Neshumova. Moskva: AST, 2019.
- Gruzdev Il’ya. “<Rec.> ‘Zvuchashchaya Rakovina’”. Sbornik stihov. Peter. 1922. Str. 98”. *Kniga i revolyuciya* 7/19 (1922): 60–62.
- Gruzdev Il’ya. “Russkaya poeziya v 1918–1923 gg. (K evolyucii poeticheskikh shkol)”. *Kniga i revolyuciya* 3/27 (1923): 38.
- Harms Daniil. *Записные книжки. Дневник*. В 2-х кн. Кн. 1. Под ред. Ж.-Ф. Жаккара и В. Н. Сажина. Санкт-Петербург: Академический проект, 2002.
- Hodasevich Vladislav. *Собрание сочинений*. Под ред. Джона Мальмстада и Роберта Хьюза. Т. 2: *Статьи и рецензии 1905–1926*. Ann Arbor: Ardis Publishers, 1990.
- “Iz knigi vospominanij S. A. Malahova ‘Zhivye sovremenniki (1960-e gg.)’”. Publ. V. S. Fedorova. Muromskij V. P. (Otv. red.). *Iz istorii literaturnyh ob’edinenij Petrograda–Leningrada 1920–1930-h godov: Issledovaniya i materialy*. Kn. 2. Sankt-Peterburg: Nauka, 2006: 190–228.

- Knigi i rukopisi v sobranii M. S. Lesmana*. Moskva: Kniga, 1989.
- Kuzmin Mihail. "Pis'mo v Pekin". *Abraksas*. Noyabr'. Petrograd, 1922: 58–62.
- Kuzmin Mihail. "Parnasskie zarosli". *Zavtra, Literaturno-kriticheskij sbornik*. I. <Berlin:> Petropolis, 1923: 114–122.
- Kuzmin Mihail. *Proza*. T. XI: Kriticheskaya proza. (Modern Russian Literature and Culture. Studies and Texts. Vol. 39). Kn. 2. Oakland: Berkeley Slavic Specialties, 2000.
- Kuzmin Mihail. *Dnevnik 1934 goda*. Izd. 2-e, ispr. i dop. Pod red. G. A. Moreva. Sankt-Peterburg: Izd-vo Ivana Limbaha, 2007.
- Levinton Georgij, Ustinov Andrej. "Materialy o Kuzmine v zhurnale „Germes“". Kazanskij N. N. (Otv. red.). *Materialy konferencii, posvyashchennoj 110-letiyu so dnya rozhdeniya akademika V. M. Zhirmunskogo*. Sankt-Peterburg: Nauka, 2001: 322–334.
- Leningradskaya hrestomatiya (ot pereimenovaniya do pereimenovaniya)*. *Malen'kaya antologiya velikih leningradskih stihov*. Sost. O. Yur'ev. Sankt-Peterburg: Izd-vo Ivana Limbaha, 2021.
- Luknickij Pavel. *Acumiana. Vstrechi s Annoj Ahmatovoj*. T. I: 1924–25 gg. Paris: YMCA-Press, 1991.
- Lur'e V. "Petrogradskoe". *Dni* (Berlin) 232 (5 avgusta 1923): 12.
- M<ejsel'man Aleksandr?>. "<Rec.> 'Kovsh'". *Kniga IV. Giz. Leningrad. 1926"*. *Zvezda* 4 (1926): 235–237.
- Malahov S. "Lirika kak orudie klassovoj bor'by (o krajnih flangah v neproletarskoj poezii Leningrada)". *Zvezda* 9 (1931): 161–166.
- "N. S. Gumilyov v perepiske P. N. Luknickogo i L. V. Gornunga". Publ. I. G. Kravcovoj. El'zon M. D., Groznova N. A. (Sost.). *Nikolaj Gumilyov: Issledovaniya i materialy. Bibliografija*. Sankt-Peterburg: Nauka, 1994: 491–563.
- Nappel'baum Ida. "Pamyatka o poete". Chudakova M. O. (Otv. red.). *Chetvertye Tynyanovskie chteniya: Tezisy dokladov i materialy dlya obsuzhdeniya*. Riga: Zinatne, 1988: 89–95.
- Nikol'skaya Tat'yana. "K. K. Vaginov (Kanva biografii i tvorchestva)". Chudakova M. O. (Otv. red.). *Chetvertye Tynyanovskie chteniya: Tezisy dokladov i materialy dlya obsuzhdeniya*. Riga: Zinatne, 1988: 67–88.
- O. K. <Oksenov Innokentij>. "<Rec.> Konstantin Vaginov. Leningrad. 1926. Str. 58. Tirazh 500". *Krasnaya gazeta* 276/1280 (21 noyabrya 1926): 3.
- "O Vaginove. Iz dnevnika P. Luknickogo". Publ. i podg. teksta V. Luknickoj. Posleslovie T. Nikol'skoj. *Literaturnoe obozrenie* 5 (1989): 71–72.
- Pahomova Aleksandra. "Konstantin Vaginov v leningradskom Soyuze poetov". *Letnyaya shkola po russkoj literature*. T. 12. № 3 (2016): 303–316.
- A<drian> P<iotrovskij>. "<Rec.> 'Abraksas'. Sbornik I-j. Peterburg, 1922 god". *Zhizn' Iskusstva* 47/870 (28 noyabrya 1922): 7.
- Rashkovskaya A. "Na poeticheskikh putyah". *Krasnaya gazeta* 283/1287 (28 noyabrya 1927): 3.
- Rest B. "Lirika kak orudie klassovoj bor'be. Na doklade S. Malahova (ot nashego leningradskogo korrespondenta)". *Literaturnaya gazeta* 46 (25 avgusta 1931): 3.
- Tizengauzen Orest. "Salony i molodye zasedateli peterburgskogo parnassa". *Abraksas*. Oktyabr'. Peterburg, 1922: 59–62.
- Vaginov Konstantin. *Peterburgskie nochi*. Podg. teksta, posl. i komm. A. L. Dmitrenko. (Peterburgskaya poeticheskaya kul'tura. II). Sankt-Peterburg: Giperion, 2002.

Андреј Устинов

„ВЕЛИКИ ФЕНОМЕН“:
КЊИГА КОНСТАНТИНА ВАГИНОВА 1926. У ДУХУ ВРЕМЕНА

Резиме

Рад је посвећен историји објављивања песничке збирке Константина Вагинова из 1926. године и реакцији на њу у лењинградској књижевној средини. Аутор есеја сугерише да је ова збирка послужила као главни подстицај за позивање песника и његово касније учешће у ОБЕРИУ.

Кључне речи: Константин Вагинов, Лењинградски Савез песника, Ида Напелбаум, Данил Хармс, Инокентиј Оксјонов, књижевни живот, ОБЕРИУ.